

ВЛАДИМИР ЕГОРЫЧЕВ

## ГОРЬКИЕ ПЛОДЫ СВОБОДЫ СЛОВА

О том, что речь характеризует человека, просто и гениально сказал великий русский поэт Александр Пушкин: “Вмиг по речи те спознали, что царевну принимали...” (“Сказка о мертвой царевне и семи богатырях”). С поэтом согласен народ: по одежке встречают, по уму провожают; не пригож лицом, да хорош умом; умные речи приятно и слышать; красота разума не придает... Действительно, как бы ни был хорош собою, как бы нарядно ни был одет незнакомец (незнакомка), мы “спознаем” его (ее), как только заговорит, после первых же слов. Культурный, цивилизованный человек, по выражению М. Горького, “весь в словах, как рыба в чешуе”. Он ревниво относится к своей речи, так как знает, что она беспристрастно отражает образованность, эрудицию, интеллект.

Языковое устройство неизбежно определяется внешними условиями функционирования. Язык такой, какая жизнь. В круговороте дней, занятые бытовыми проблемами, мы не замечаем, как вслед за экономикой и социальной сферой тень упадка и деградации пала на могучий и великий русский язык, который является основным средством межнационального общения на территории Республики Беларусь. Здесь есть над чем поразмышлять.

Ученые-лингвисты уже не первый год бьют тревогу: быстрыми темпами осуществляется жаргонизация литературного языка. Снова стали повседневной реальностью нищие и бомжи. И у попрошаек (бомжей), и у бездомных появился свой жаргон. Еще одна реалия – “челноки” и “челночный” жаргон. К сожалению, мат, некоторое время назад официально порицаемый, будто получил теперь права гражданства, стал наглее, извращеннее. Для парней, ухарски разгуливающих по улицам с бутылками, – мат обычное средство общения; никого не стеснясь, громко ругаются, а с ними заодно и девушки...

“Легализация” “спецязыка” произошла вслед за объявленной свободой в социально-политической и экономической сферах. Мы, граждане, с приходом “воли” не заметили, как в нашу речь сначала несмело, а потом все более уверенно стали проникать “блатные” выражения. Они стали приобретать “права гражданства” наравне с традиционными средствами русского языка.

В 1999 году в Москве вышел в свет жаргонный словарь под названием “Слова, с которыми мы все встречались”. Чего только здесь нет! “Чувак, клёво, оттянуться, тащиться, бугор, паханы, лимон, круто, махнемся, беспредел, поставить на счетчик, капуста, напарить (обмануть)”... Дошло до того, что некоторые исследователи, воодушевленные, по-видимому, тем, что ведущие московские бизнесмены, журналисты, политики активно используют приведенный (и другой, еще более широкий) перечень слов, стали говорить про начало формирования так называемого “общего жаргона”,

языкового средства, которое вскоре будет использоваться всеми носителями русского языка в неофициальной обстановке. А некоторые думские “специалисты” даже проталкивали эти новации на законодательном уровне. Вот это и есть... свобода слова?

Внешний запрет в виде политической цензуры был снят в 1991 году. Вместе с ним треснули и запреты нравственные. К середине 90-х жаргон подворотен и закрытых мужских компаний прочно обосновался на страницах литературных произведений. И похабщина, и оскорбительная брань поползли в общество миллионными тиражами. И известного продукта за годы бесцензурных упражнений наш читатель нахлебался изрядно, хлебает и сейчас... Не станем перечислять многочисленные имена, дабы не забыть кого-нибудь и не обидеть невниманием. К сожалению, дурной пример подает молодым людям и поколение отцов. И теперь для многих матерщина чуть ли не разговорная норма.

Между тем нецензурная брань, а именно так расшифровывает слово “мат” “Толковый словарь” Ожегова, в общественном месте в соответствии с Кодексом об административных правонарушениях, а точнее, статьей 156-й, квалифицируется как мелкое хулиганство и грозит штрафом до двух базовых величин или даже исправительными работами на срок от 1 до 2 месяцев. В правах и обязанностях пассажира в автотранспорте оговорено, что люди, допустившие нарушение норм поведения (под них, по заверению юристов, подпадает и сквернословие), могут быть выведены из салона водителем или контролером. С одной стороны, в “Правилах поведения несовершеннолетних в общественных местах”, утвержденных, к примеру, Минским областным Советом депутатов, значится пункт 3.7: “Несовершеннолетним до 18-летнего (а почему не всем гражданам?! – **В. Е.**) возраста запрещается выражаться в общественных местах нецензурной бранью”. С другой стороны, на любой книжной выставке преспокойно можно найти книги, в которых речь героев изобилует бранными словами. Для языка очень необходимы защитные механизмы.

По мнению же некоторых лингвистов, упадка, оскудения и вырождения русского литературного языка не происходит. Падает культура владения языком и общая культура пишущих... По этому поводу очень хорошо сказал мудрый педагог В. Сухомлинский: “Убогость слова – это убогость мысли, а убогость мысли ведет к моральной, интеллектуальной, эмоциональной, эстетической “толстокожести””.

Теперь, когда “золотопалый микроб” (как выразился Горький) поразил наше общество, упал интерес к книге, к печатному слову, к культуре речи; на телеэкране всюду разгулялась пошлятина, нецензурщина. Многие выступления “юмористов” вызывают хохот у зрителей. Однако у совестливых сограждан в “пикантные” моменты, думается, возникает, как минимум, чувство неловкости. Не сомневаюсь (из личного опыта), что благовоспитанным людям безразлично, как с ними разговаривают: речь всегда оставалась мерилом культуры человека.

Именно в языке происходит поначалу девальвация общечеловеческих ценностей, а затем это внедряется в сферу взаимоотношений между людьми. В жаргонах и сленгах происходит искажение значения и общеупотребительных слов, их смысл размывается или подменяется каким-то иным, по своему уровню всегда более низким, нежели изначальный. Порою в связи с этим наблюдается парадоксальное явление: люди говорят одни и те же слова, но изъясняются, по сути, на разных языках. Приведем пример.

– **Старуха, привет! Секи: вчера в метре офигела, такой мэн навороченный тащится, а под боком мочалка. Но стремная – стон...**

– **Такие телки всегда себе лейбл отрывают!**

**(Из разговора двух юных подруг.)**

Непосвященный, чужой не переведет этот разговор без словаря.

“Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей Родины, ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя – как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя не верить, что такой язык не был дан великому народу!”

Мы все чуть ли не наизусть знаем это тургеневское стихотворение в прозе, но, между тем, редко задумываемся над пророческим смыслом, содержащим-

ся в его строках. А вникнуть — так покажутся они скорее парадоксальными, кому-то и вовсе бессмысленными: не странно ли обращаться за поддержкой к знаковой коммуникативной системе? Однако не минутная же прихоть заставила Тургенева обратиться к родному языку в раздумьях над судьбами Родины. Не случайно, обращаясь к русским литераторам, да и вообще к русским людям, страстно призывал он: “Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык, этот клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками”.

Останемся ли мы глухи к этим словам? Об этом подумалось тревожно, когда я услышал странный разговор двух юных созданий, приведенный выше.

Молодежь, понятно, вознамерилась как бы выделить себя из окружающего мира, отчасти кичась этим, ошибочно принимая некоторую непонятность своей речи за собственную внутреннюю загадочность.

Чем же это оборачивается? Разобщенностью, разрывом духовных связей между отцами и детьми? Разумеется, это не единственная причина, но речевая разница заставляет людей острее ощущать начинающееся взаимное отчуждение. Найти общий язык становится порою очень трудно и в прямом смысле.

Неловко сделать кому-то замечание о неправильном ударении (очень частая ошибка, так как ударение у нас “бродячее”, не такое постоянное, как, например, во французском или польском языке) или о неверно употребленном слове: это больно ранит человека, роняет его в глазах окружающих, да и в собственных тоже.

Не всегда хватает решимости поправить неправильные выражения типа: “зав. кафедры” (вместо “зав. кафедрой”), “одел шляпу” (“надел шляпу”), “вы мне компанируете” (“вы мне импонируете”)... А как вам ставший почти классическим филологический перл “волнительный” (вместо “волнующий”)? Так и хочется воскликнуть: “Не гоните волну!” А последний “писк” разговорного жанра — походя и не к месту повторяемое “как бы”?

Многие речевые ошибки обусловлены тем, что мы экономим усилия при общении. Овладение же языковой культурой требует, разумеется, определенных усилий. Умный человек, который четко видит свои жизненные задачи и верно их решает, не пожалеет времени и сил, чтобы лишний раз открыть словарь. Он будет внимателен и требователен к своей речи и речи окружающих, теле- и радиоведущих...

Современный человек сохранил из прошлого сознание того, что на ругательные слова в обычных условиях накладывается табу. Но границы этого запрета наши современники, в отличие от предков, преодолевают по принципу: “Как хочу, так и говорю”.

Что же все-таки нам делать?

Мы должны использовать опыт предков и наложить строгое табу на нецензурщину. Правда, современный, прагматичный человек не боится, как древние славяне, никакой моральной кары. Его можно “переубедить” только материально. Видно, пора пополнять государственную казну штрафом, и немалым, за мат.

Очевидно, однако, что одними штрафами вылечиться от сквернословия трудно. Как штрафовать, в частности, детей? Штрафы ударят по результату — следствию, а не по причине массового мата.

Причина же — во взрастшем в последние годы культурном вакууме в обществе и в семье, в отсутствии действительных ценностных ориентиров для подрастающего поколения. Не преодолеем, не выправим жизнь — увязнем навсегда в нецензурщине, исчезнем как самобытный народ.